

ИЗ ЗАЛА СУДА

КОНСТАНТИН СЕМЕНОВ

ЧЕЛОВЕК ЗА РУЛЕМ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

КОНСТАНТИН СЕМЕНОВ
ЧЕЛОВЕК ЗА РУЛЕМ

1960

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

Художник А. И. Добрицын

ГРУЗНЫЙ, забрызганный грязью «МАЗ» мчался по дороге, не объезжая ни луж, ни выбоин. На повороте машину занесло, и она выскочила на обочину. П слышался треск — ломались приземистые, полосатые колышки-ограждения. Но грузовик, не убавив скорости, понесся дальше. Тучи пыли, словно летевшие наперегонки с машиной, стали еще выше и плотнее.

Вдруг яростно скрипнули выжатые до предела тормоза. Мотор захлебнулся и умолк. Стало очень тихо. Слышно было, как с легким шумом открылась дверца кабины. На дорогу выпрыгнул высокий седеющий человек в синей шоферской спецовке с засученными рукавами. На крутом, загорелом лбу его дрожали крупные капли пота. Водитель растерянно оглянулся по сторонам, будто соображая, как он здесь очутился.

Где-то под ногами застрекотал кузнечик. Человек в спецовке вздрогнул и отскочил в сторону. Кузнечик застрекотал громче. Водитель понял, наконец, что это за звуки, швырнул в кузнечика кепкой, которую он почему-то комкал в руке, и зашагал прочь от машины, в том направлении, откуда он только что примчался.

У развилки дорог человек увидел милицейский мотоцикл с коляской, медленно двигавшийся навстречу ему. Он вышел на середину шоссе и поднял руку. Плотный моложавый старшина резко затормозил и вопросительно взглянул на незнакомца.

— За мной, — скорее утверждая, чем спрашивая, торопливо произнес странный человек. — А я здесь... Машину там бросил. Вот права! Вот паспорт... Это я и есть... Суровцев Николай Федорович... Суровцев.

Отдав документы, он, не дожидаясь приглашения, влез в коляску и безвольно откинулся к спинке.

Старшина недоуменно пожал плечами, внимательно перелистал странички паспорта и обернулся к незнакомцу.

Тот спал. Да, спал, уронив на грудь тяжелую голову с густыми, тронутыми проседью черными волосами. Глаза старшины округлились от удивления. Он тряхнул незнакомца за плечо. Тот пробормотал что-то, но не проснулся. Старшина низко наклонился к лицу спящего и, почувствовав винный перегар, укоризненно покачал головой.

Мотоцикл развернулся и покатил обратно.

* *
*

За многие годы службы капитан милиции Полищук научился относиться к промахам подчиненных деловито и спокойно, понимая, что большинство оплошностей совершается не по злой воле, а в силу неопытности или, как любил говорить капитан, «необстрелянности». Но тем, кому Полищук симпатизировал, в случае ошибок приходилось туго. Их неудачи начальник воспринимал как личную обиду. Его люкдила обычная сдержанность, и он становился особенно строг и даже придирав.

В этот день несладко пришлось «любимчику» капитана, всегда подтянутому и быстрому сержанту, рыжеволосому Толе Вехотко.

Вехотко и в самом деле оказался растяпой. Заметив удиравшую на полном ходу грузовую машину, только

что сбившую мальчика, он вскочил на подножку проезжавшего мимо грузовика и погнался за преступником. На одном из перекрестков Вехотко разузнал у какого-то губастого парня в кепочке «блинчиком», куда делась машина. Парень сообщил, что грузовик свернул на Тульскую дорогу, пожалел, что не успел заметить номер, но уверял, что машина московская.

И вот уже час, как мотоциклисты «прочесывали» все проселки на Тульской дороге, опрашивали жителей, а темно-зеленого «МАЗа» никто не видел, и никто ничего о нем не слышал.

— Может быть, этот парень умышленно ввел нас в заблуждение? — спрашивал Полищук у Вехотко.

— Не могу знать, — растерянно признавался Вехотко. — Если бы подумал так, то с собой бы его прихватил, хоть фамилию бы установил...

Полищук нервно забарабанил пальцами по столу.

— Упустили преступника, — резко подвел он итог. — Мерзавец, искалечивший ребенка, спокойно сидит где-нибудь и посмеивается над бравым сержантом Вехотко.

— Товарищ капитан, — с отчаянием выпалил сержант, — найдем же. Не было такого, чтобы не нашли... А этого, губастого, я запомнил. Никуда не уйдет. Местный ведь...

— Найдем, — согласился капитан. — Десятки людей целыми днями будут заниматься розысками. Вся городская милиция должна исправлять вашу ошибку, не спать несколько ночей из-за того, что у одного сержанта не хватило сообразительности. Для начала придется отправить вас под арест.

— Разрешите отбыть наказание потом, — несмело попросил Вехотко. — Я ж сейчас пригожусь... Я ж этого, губастого, в лицо видел...

— Вы пригодитесь? — иронически прищурился капитан. — Не думаю.

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — разрешил Полищук.

На пороге показался высокий сидящий человек в спецовке. За ним шел старшина. Прикладывая руку к козырьку, старшина доложил:

— Явился с повинной, товарищ капитан. Тот самый. Бандит на автотранспорте.

Полищук внимательно рассматривал документы водителя.

— Суровцев Николай Федорович? — переспросил он.

— Так точно. Суровцев, — ответил вошедший. — Можно спросить?

— Пожалуйста.

— Тот человек жив?

— Бойтесь, что за убийство судить будут? — вопросом на вопрос ответил капитан.

— Нет... За него сердце болит.

— А вы знаете, кого сшибли?

— Откуда же?

Капитан вздохнул. Да много, очень много приходилось видеть и переживать капитану за долгие годы беспокойной службы, но такое случилось впервые!

— Будьте мужчиной, Суровцев. Вы сшибли Федю. Сына.

Казалось, в первую минуту шофер не понял, что сказал ему капитан. Он растерянно смотрел на него, но в следующее мгновение страшная мысль дошла до сознания.

— Что!? — Суровцев вскочил со стула. — Сына!? Федюшку!? Нет! Этого не может быть!

Капитан молчал.

— Почему вы молчите? — закричал Суровцев. — Он жив?

— Жив. Но в тяжелом состоянии.

— Что значит в тяжелом? Выздоровеет или нет? Что говорят врачи?

— Полагают, что выздоровеет. Сядьте!

— Может быть, вы нарочно, — забормотал вдруг Суровцев, — чтобы воздействовать... Так можете сказать правду... Я ж ничего не скрываю. Сам к вам шел...

— Мы провокациями не занимаемся, — холодно ответил капитан. — Вот акт. Можете убедиться...

— Чего там убеждаться, — махнул рукой Суровцев. — Вы простите, если что-нибудь не так сказал. Все в голове путается.

— Понимаю, — кивнул капитан. — Вы в состоянии отвечать на мои вопросы или дать вам отдохнуть?

— Какой может быть отдых! — почти закричал Суровцев. — Пишите, пишите скорее. И судите скорее!

* *
*

Медленно движутся стрелки на больших часах в операционной. Медленно идет переливание крови... С той минуты, когда «скорая помощь» влетела во двор больницы, прошло почти два часа. Только сейчас можно приступить к иссечению раны, обработке места перелома.

Мальчик то приходил в сознание, то снова впадал в забытие.

Когда, наконец, молодой хирург Галя Быстрова вышла в коридор, первый, кого она увидела, был главный врач Павел Сергеевич, устроившийся в кресле с газетой в руках. Все это время он, видимо, присидел у дверей операционной.

— Ну, как малыш? — нарочито неторопливо спросил старый доктор.

— Я сделала все, что могла, — ответила девушка. — Сохранит ли рука способность к движению, не знаю.

— Очень трудный случай, — задумчиво произнес Павел Сергеевич, — трудный даже для нас, старых хирургов.

— Случай академический, — возразила Галя. — Операция описана неоднократно. Никаких отклонений от обычной картины не наблюдалось.

— Я имею в виду не характер повреждения, — пояснил старый доктор. — Я говорю о другом...

Галя поняла. Она уже знала, кто сбил мальчика.

Прошло три дня, и стало ясно, что рука Феди Суровцева никогда больше не будет двигаться. Оказались перебиты нервы. Разумеется, мальчик и понятия об этом не имел. Легкое сотрясение мозга, как выяснилось, было неопасным и не давало себя знать. Федя сидел в кровати и рассматривал большую книжку с картинками, управляясь с ней одной правой рукой.

Левая, вместе с гипсовой повязкой, была крепко прибинтована к туловищу.

— Как ты себя чувствуешь, Федя? — поинтересовалась Галя.

— А у меня ничего не болит. Скоро меня домой отпустят?

— А это будет зависеть от того, как ты поведешь себя.

— А когда папу с мамой ко мне пустят?

Что ответить? Ведь мальчик еще не знает, кто виновник его несчастья. Конечно, отец не придет.

— Видишь ли, — замаялась Галя, — если придут несколько человек, это может утомить тебя. Поэтому, наверное, пустят только маму.

— А почему не только папу?

— Может быть, и папу, — ответила Галя. Ей очень хотелось произнести эту фразу равнодушно. Но она чувствовала, что безразличие это наигранное, что мальчик может это заметить.

— А к вам они приходили? — не унимался Федя.

— Почему ты об этом спрашиваешь? Разве у тебя такие родители, что могут позабыть о сыне?

— Нет, у меня родители мировые, — задумчиво сказал Федя. — А какой у меня папка! Лучше всех!

Для молодого доктора этот разговор был, пожалуй, потруднее, чем операция. Галя пробормотала что-то насчет другого мальчика, которого тоже нужно навестить, и быстро вышла из палаты. В коридоре она не выдержала и расплакалась.

Капитан Полищук, шагавший по коридору в тесном халатике, из-под которого торчали синие рукава мундира, остановился, увидев плачущую девушку. Кроме нее, в коридоре никого не было, а капитану нужно было узнать, где находится доктор Быстрова. Откашлявшись для того, чтобы придать себе решительности, Полищук тронул Галю за рукав и спросил:

— Простите... скажите, пожалуйста, где я могу увидеть доктора Быстрову?

— Я — доктор Быстрова, — ответила Галя, поднимая на капитана заплаканные глаза. — Что вы хотели?

— Капитан милиции Полищук, — представился офицер. — Вы лечите Федю Суровцева... Что с ним?

— Мальчик поправляется, но еще очень слаб и взволнован. Нужно допрашивать?

— Если вы не против?

Молодой доктор строго посмотрела снизу вверх на высокого Полищука и твердо произнесла:

— Дадим ему отдохнуть несколько дней.

— Я задам мальчику только два-три вопроса, — робко уговаривал Полищук. — Понимаете, это очень важно для ведения дела. Вот и учительница со мной пришла.

Кивком головы Полищук указал на девушку, стоящую в глубине коридора. Галя только сейчас заметила ее.

— Но вы не скажите, что...

— Эх, доктор, — покачал головой Полищук, — неужели я произвожу впечатление такого наивного человека?

Беспокойство Гали оказалось напрасным. Капитан умел обращаться с детьми. Он очень смешно рассказал Феде, как он сам лежал в госпитале во время войны, научил его играть на расческе, обернутой папиросной бумагой, и дождался, пока тот сам перевел разговор на случившееся.

Выяснилось, что Федя и сам не знает, как произошло несчастье. Он погнался за мячом, вылетевшим на улицу. Бежал мальчик изо всех сил и видел перед собой только мяч. Потом что-то сильно ударило его в плечо, и больше он ничего не помнит. Закончилось это сообщение неожиданным выводом:

— Шофер не виноват.

— Ишь ты, — удивился Полищук. — Ты откуда знаешь, виноват шофер или нет? Ты же, наверное, даже правил уличного движения не знаешь.

Федя улыбнулся. Как показалось Гале, он посмотрел на капитана чуть ли не снисходительно. Начался разговор двух специалистов: о дорожных знаках, о крестообразных и «т»-образных перекрестках, о пределах скорости, о тормозном пути и, наконец, о таких мудреных вещах, какие Галя даже запомнить не могла.

— Отлично, — признал Полищук, — говорю это тебе как председатель экзаменационной комиссии районного ГАИ. Выздоровеешь, лет шесть-семь в школе еще поучишься и приходи прямо ко мне. Настоящий инспектор ОРУДа из тебя выйдет.

Федя покачал головой.

— Не пойдет. Мы с папой уже договорились. С будущей весны начинаю машину водить. Вы, товарищ капитан, в Москве на выставке достижений народного хозяйства не бывали?

— Нет...

— А в журнале «Знание — сила» фото не видели? Самосвал — сорок тонн. Вот такую машину и буду водить.

— А на меньшее не согласен?

— Какой интерес...

Капитан распрощался с мальчиком.

В три часа дня пришла мать. Она передала записку от отца. Суровцев писал, что выехал в командировку в дальний район.

Галя напряженно следила за лицом мальчика, но, кажется, он поверил...

— Ну да, — сказал он грустно, — как осень, так обязательно на вывозку хлеба уезжает...

* *
*

Протоколы допросов были аккуратно подшиты в папку с надписью «Дело по обвинению Суровцева Николая Федоровича по ст. 59^{3в} УК РСФСР».

Милиция сделала свое дело быстро и четко.

Исправил свою оплошность и рыжеволосый сержант. Парень, пославший милицию по ложному следу, отыскался на автобазе стройуправления, на той самой, где работал Суровцев.

Прокурор утвердил обвинительное заключение, и дело было передано в суд.

У ворот автобазы появился плакат, приглашавший всех желающих на показательный процесс, для которого предоставили помещение летнего кинотеатра.

Судья Петр Васильевич Фролов еще раз просматривал материалы дела. Все в нем казалось ясным до последнего слова. Несчастный случай с неожиданными, трагическими последствиями.

Общественность города проявляла огромный интерес к делу — это понятно: роковое совпадение сразу выделило этот факт из числа других преступлений такого рода.

Сама по себе «фабула» дела была очень простой. Приехали родственники. Суровцев выпил с ними. Вино затуманило голову, и он, сидя за рулем, не заметил бегущего к машине мальчика. Услышав крик, водитель бросился наутек. Пришел в себя, понял, что натворил, и обратился к первому же встречному милиционеру с просьбой задержать его.

Однако двадцать пять лет судейского стажа научили Петра Васильевича незыблемой для него истине: «Составы преступлений одинаковы, а пути к ним различны». И невысокого судью со спокойными серыми глазами всегда интересовали именно эти пути.

Фролов не был педантом и никогда не утверждал, что не бывает случайных, роковых стечений обстоятельств. Но он прекрасно знал, что чаще всего эта случайность мнимая. Просто причины преступления скрыты так, что их не увидишь сразу. И судья считал своим профессиональным, да и просто человеческим долгом обязательно добраться до этих причин. Но даже самое полное и обстоятельное дело лишь намечает пути, по которым пойдет твое знакомство с человеком. Главное будет там, в зале летнего кинотеатра, когда Фролов увидит и Суровцева, и свидетелей. А сейчас предстояло создать в своем сознании первый, приблизительный набросок образа Суровцева, восстановить факты, сориентироваться в них, познакомиться с участниками событий. Фролов считал, что судья, приходящий на процесс с заранее сложившимся мнением, — плохой судья. Только в ходе судебного следствия и после тщательного анализа всех «за» и «против» в речах обвинения и защиты можно сделать окончательные выводы.

С фотокарточки на судью глядели усталые, серьезные глаза. Подсудимый, судя по внешности, не принадлежал к людям, наделенным большим внешним обаянием, вызывающим у других быструю и безоговорочную симпатию. Но Фролов подумал, что Суровцев чем-то понравился ему.

Судья начал перечитывать скупые протокольные строки, стараясь представить человека, судьбу которого доверили решать ему, Фролову.

...Год рождения 1918-й. Образование 8 классов. Курсы шоферов. Работа на строительстве. Женитьба. Война.

Фотокопии с фронтовых характеристик. Командир автобата старший лейтенант Самойленко удостоверял своей подписью, что сержант Суровцев награжден орденом Красной звезды и медалью «За отвагу», дважды ранен, отлично исполнял обязанности командира взвода, «любим личным составом за справедливость и личную храбрость», «овладел всеми марками трофейных машин, в том числе и легковых». Завершалась характеристика строками, которые Самойленко приписал, видимо, не без долгих размышлений. Суровцев имел трое суток ареста «за отказ перейти в штаб для работы на легкой машине командира части».

Демобилизация. И вот уже «тринадцать лет Суровцев работает в одной и той же автобазе, избирался в местный комитет, политически выдержан, активен, пользуется авторитетом». Тринадцать лет работы на одном месте — это одно неплохо характеризует Суровцева. Вот, видимо, специально для суда не предусмотренный образцами характеристик абзац: «Непьющий, в состоянии опьянения не замеченный». Как же случилось такое с вами, Николай Федорович? Или доброжелательный начальник вписал эти строки в надежде облегчить вашу участь, или, действительно, в этот день произошла какая-то случайность?

Вот в протоколе допроса свидетеля Куманькова говорится, что в этот день к Суровцевым приехали родственники-односельчане и по их настоянию Суровцев выпил... Но почему же водителя в нетрезвом виде выпустили на линию? Как решился на это он сам, достаточно опытный шофер? Может быть, эта опытность

и подвела. Проездив двадцать пять лет без единой аварии, человек просто не верит, что с ним может что-нибудь случиться за рулем.

* *
*

Шли дни. Уже два письма Феде, адресованные отцу, унесла с собой мать, пообещав бросить их в ближайший почтовый ящик. Адрес на конверте был написан самим мальчиком. Пришлось дать ему прошлогодний. Галя все свое свободное время просиживала над книгами и журналами, ездила в Москву, советовалась с Павлом Сергеевичем, с преподавателями своего института. Все ответы были безрадостными: надежд на то, что рука снова будет двигаться, не было.

В остальном Федя почти выздоровел. Он ходил по палате, помогал санитаркам ухаживать за другими больными и десятки раз в течение дня спрашивал, когда же его выпишут. Галя отшучивалась. Ни в коем случае нельзя было отпускать мальчика домой. Было решено, что он отправится в детский санаторий на юг. Конечно, рано или поздно мальчику придется узнать правду. Но пусть это будет попозже, когда он окончательно окрепнет. Павел Сергеевич написал в облздрав. Оттуда сообщили, что путевка придет через несколько дней.

Утром того самого дня, когда в летнем кинотеатре должен был начаться суд, Галю срочно позвали в палату, сказав, что Феде нехорошо.

Мальчик лежал, отвернувшись к стене. Все его маленькое тело вздрагивало от рыданий.

— Федя, — позвала Галина Васильевна, — Федя, Феденька!

— Уйдите, — пробормотал мальчик, не оборачиваясь.

Галя растерянно оглянулась. На полу лежал какой-то конверт. Она подняла этот конверт. На нем Фединой рукой был написан прошлогодний адрес отца, а в углу имелась отметка почтового отделения, что такой адресат не значится. Очевидно, мальчик передал

письмо через кого-нибудь из выписывавшихся больных, они опустили конверт в ящик, и теперь оно пришло обратно. Федя понял, что его все время обманывали.

— Сядь, Федор, — потребовала Галя, — поговорим, как взрослые люди.

Видимо, сейчас это были самые правильные слова. Федор перестал всхлипывать, оперся здоровой рукой о край постели и сел.

— Теперь ничему не верю, — тихо, еще дрожащим от слез голосом сказал он. — И что рука выздоровеет, не верю.

Галя молчала.

— Где папа?

— Папа случайно наехал на человека, — тихо ответила Галя. — Его будут судить...

— А человек остался жив?

— Да. Он скоро выйдет из больницы.

— Галина Васильевна, а если этот человек скажет, что он сам виноват, что водитель ни при чем, — взволнованно спросил мальчик, — отцу ничего не будет?

— Отец признался, что виноват, — почему-то шепотом ответила Галя. — Это подтвердили свидетели...

В палате воцарилось гнетущее молчание.

— Что же теперь делать? — задумчиво произнес мальчик. — Что делать?

* *

*

Помещение кинотеатра, в котором должен был происходить судебный процесс, было переполнено. Пришли все свободные от смены товарищи Суровцева по работе. Состав суда еще не появлялся, и среди публики шли горячие споры.

«Судить не за что, — горячо уверяли одни. — Человек и так наказан, больше чем любой суд наказать может. Говорят, у мальчика руку до локтя отрезали». Другие, соглашаясь с первыми, что Суровцеву и без того нелегко, доказывали, что снисхождения не может

быть, поскольку водитель не остановился, чтобы оказать помощь пострадавшему, а пытался скрыться. Девушка-диспетчер, секретарь комсомольской организации автобазы, собрала вокруг себя большую группу молодежи и доказывала, что Суровцева нужно судить как можно строже.

— Пусть все видят, — волновалась она, — что бывает от пьянки даже с таким опытным водителем, как Николай Федорович!

Вдруг все поспешно начали подниматься с мест. На неширокую эстраду перед занавесом вышел народный судья Фролов. За ним следовали народные заседатели. Они хорошо были известны в городе. Степан Степанович Савчук, депутат горсовета, активный общественник и один из лучших водителей городского автобусного парка. Рядом с высоким и худым, немного сутуловатым Савчуком шла невысокая, полная женщина с румяным лицом и собранными в пучок русыми волосами — учительница средней школы Ксения Поликарповна Хохлова. На ее темном жакете поблескивала медаль «Материнская слава».

Ввели Суровцева. С того самого памятного и печального дня шофер постарел на добрый десяток лет. Прибавилось седины в волосах, высокий лоб пересекли новые, глубокие морщины. Он казался меньше ростом должно быть оттого, что сильно горбился. Кто-то в зале помахал Суровцеву рукой, но он ничего не замечал.

Судебный процесс начался с допроса подсудимого. После обычных анкетных вопросов судья предложил Суровцеву рассказать о происшедшем.

Шофер говорил скупой, короткими, отрывистыми фразами.

— Во всем виноват... Выпил с родственниками... Не доглядел по причине опьянения... Пытался скрыться...

Савчук попросил у председательствующего разрешения задать подсудимому вопрос.

— Пожалуйста, — разрешил Фролов.

— Скажи-ка, Николай Федорович, — Савчук поспешно поправился, — скажите, подсудимый, почему вы пытались скрыться? Чтоб избежать ответственности или по какой другой причине?

— Не знаю, — голос Суровцева, говорившего очень тихо, был хорошо слышен — зал безмолствовал.

— Почему пытались скрыться по Приокской дороге? — переспросил Савчук. — По ней никуда не уедешь. Надо было на Хомяковку...

В зале засмеялись.

— Не знаю. Ничего не знаю, — все так же хмуро повторил Суровцев.

Больше вопросов к подсудимому не было. В зал попросили первого свидетеля. Двоюродному брату жены Суровцева, круглолицему кряжистому мужчине с крупными чертами лица, можно было дать и двадцать пять, и сорок лет. Гладкий лоб без единой морщины, маленькие, беззаботные глазки и пышная русая шевелюра сильно молодили Гусакова — так звался свидетель.

Отыскав взглядом Суровцева, он улыбнулся и едва заметно подмигнул: не робей, мол, постарайся.

На вопросы судьи Гусаков отвечал бойко, но почти нетельно. Когда его попросили рассказать все, что известно по делу, он тяжело вздохнул, развел руками и все так же бойко проговорил:

— Ужасная трагедия, ужасная...

Потом он обстоятельно принялся рассказывать, как уговаривал Николая выпить в то самое утро.

— Говорил он мне, — восклицал Гусаков, тыча себя в грудь большим пальцем. — Говорил: «Не могу! В поездку поеду! Не положено...» А я? Я кричал — не уважаешь меня! Обида кровная... Ну он, чтобы отвязаться, и выпил... А водка-то бракованная оказалась...

— Как это бракованная?

— Вот у меня справка, — засуетился Гусаков. — В поликлинику меня отправили. Самогонное отравление... Вот я и, сам того не желая, опоил родственника. Судите и меня вместе с ним...

Фролов развернул справку. Она была датирована днем несчастья. Алкогольное отравление.

— Сколько же вы выпили?

— Не знаю. С собой привез четверть.

— Самогон?

— Да, самогон... Поверьте, граждане судьи, Николай не хотел пить. Мы с Терентием, можно сказать, насильно влили.

Судья вздохнул.

— Так оно и получается. Насильно влили и пойдете домой. А Суровцева судим. Удружили милые родственнички.

— Виноваты, — грустно признался Гусаков, — хотите верьте, хотите нет, граждане судьи, пусть мне теперь язык отрежут, если я кого уговаривать стану, чтобы выпил. И просил ведь Николай: «Товарищи, мне на линию выезжать...» — он не договорил, махнул рукой и умолк.

— Прежде вы с ним часто выпивали?

— Да ведь дело такое. Видимся раз в два-три месяца. Стало быть, как приеду, так бутылочку на стол. Без нее как-то встреча — не встреча. Не нами заведено — не нам этот порядок ломать.

Фролов разрешил свидетелю сесть. Гусаков попросил:

— Разрешите еще сказать?

— Не нужно. Все ясно.

— Я скажу все-таки. Если, в случае чего, мне наказание какое выйдет — я не против... Не будь меня — ничего бы не было.

— Или не будь вина, — вставила молчавшая до сих пор учительница. — Это вернее.

— Точно, — подтвердил незадачливый родственник, усаживаясь, наконец, на скамью.

* *
*

Доктор Быстрова заглядывала в палату после разговора с Федей чуть ли не каждые десять минут. Федя казался внешне даже спокойнее, чем всегда. Но Галя чувствовала, что спокойствие это обманчиво. После обеда Галя подседа к Фединой кровати и спросила мальчика:

— Как настроение?

Ответ заставил молодого врача вздрогнуть. Федя повторил те же самые слова, которыми он закончил разговор несколько часов назад:

— Что делать, Галина Васильевна, что делать?

— Самое лучшее, что ты можешь сделать для папы, — ответила Галя, — это скорей поправиться. А для этого нужно спокойно лежать и поменьше волноваться.

— А вы не знаете, когда суд?

— Не знаю, — ответила Галя уверенно.

— А почему мама не пришла? Всегда в час дня приходит, а сегодня нет ее.

— У мамы много хлопот, Федя. Может задержаться. Ты лежи и не волнуйся, а я сейчас схожу узнаю.

Когда Галя вернулась, в палате не было никого. Соседей мальчика Галя обнаружила сразу. Двое играли на террасе в шашки, а третий наблюдал, делая замечания об игре своих приятелей.

— Где Федя?

Больной с костылем пожал плечами.

— Не знаем. В палате, верно.

Галя вернулась в палату. Феде не было. Расспросы санитарок и уборщиц тоже ничего не дали. Никто не видел мальчика.

Пришел обеспокоенный Галиным телефонным звонком Павел Сергеевич. Он внимательно оглядел Федину постель и вещи, затем с легкостью, неожиданной для его почтенного возраста, влез на подоконник и спустился в сад.

Галя последовала за главным врачом.

— Вот! — сердито сказал Павел Сергеевич, указывая на следы под окном. — Бежал, парень...

— Но как же он бежал? У него только больничная пижама!

— Одиннадцатилетний мальчик — не главврач, которому, к сожалению, в самую сильную жару нужно ходить в пиджаке и брюках, — вздохнул Павел Сергеевич. — Все его сверстники разгуливают в трусиках и тапочках.

Выслушав рассказ Гали, Павел Сергеевич посоветовал:

— Он, безусловно, направился прежде всего домой. Не от матери, так от соседей нетрудно узнать, где отец и когда будет суд.

Доктор Быстрова узнала в регистратуре адрес Суровцевых и торопливо зашагала по улице.

* *
*

Суд перешел к допросу свидетельницы Шахмалиевой — невысокой, моложавой женщины в кокетливой, цветастой косыночке на иссиня-черных волосах.

Шахмалиеву хорошо знали водители. Она работала продавщицей в ларьке, стоявшем у ворот автобазы. В нем весь день бойко поскрипывал насос, весь день шла торговля пивом.

— Кто же это додумался пивную палатку к воротам гаража поставить? — спросил заседатель Савчук.

— А что! — бойко ответила Шахмалиева. — Не все равно? Шофер не своими ногами ходит. Куда ни поставь, все равно подъедет.

Шахмалиева показала, что в день происшествия к палатке подошел водитель Суровцев, которого она знает с тех пор, как работает в этой палатке, хотя он и не относился к постоянным покупателям: «Так себе, по пачке «Беломора» в день».

— А вы не заметили, не был ли Суровцев в состоянии опьянения?

— Я за чужими мужчинами не смотрю, — отрезала женщина. — У меня свой муж есть.

— Прошу вас припомнить, — спокойно, но настойчиво сказал судья. — Это имеет большое значение для дела.

Шахмалиева пожала плечами. Видимо, она целиком разделяла старинную мещанскую мудрость: «моя хата с краю — я ничего не знаю».

— С вами говорил о чем-нибудь Суровцев?

— Говорил... Спрашивал, почему квасу или фруктовой воды нет. А где я их возьму?

— Разрешите вопрос, — вмешался адвокат. — Не скажете ли вы, что пил Суровцев у вас в ларьке?

— А мы кофе и какао не держим. Известно что — пиво.

— А вас не удивило, что обычно не пьющий человек вдруг попросил пива?

— Чего же тут удивляться... Захотел человек и выпил кружку.

— Больше вопросов не имею, — адвокат сел.

Спрашивать Шахмалиеву и на самом деле было незачем. Было ясно, что эта женщина относится к той категории свидетелей, которые с того самого момента, как им вручили повестку, озабочены только одной мыслью, как бы себе не повредить. Задумайся Шахмалиева хотя бы на несколько минут о всем происходящем на процессе — ей стало бы ясно, для чего суду нужны ее ответы. Но женщина и думать об этом не хотела. Единственной ее целью было доказать, что она тут ни при чем, единственным желанием — чтобы ее оставили в покое.

Но все хорошо помнили ту часть допроса Суровцева, когда он рассказывал, как, подходя к автобазе и почувствовав, что от «чертовой самогонки горло так засохло, будто три дня без воды жил», он попросил у Шахмалиевой квасу. Та объяснила ему, что не только квасу, а обыкновенной воды нет. Даже кружки она моет в ведре. Суровцев усомнился, стоит ли после самогона пить еще пиво. Женщина зло высмеяла боязливого водителя.

Прокурор и судья допрашивали Суровцева об этом эпизоде подробнее. Судья знал, что завтра же люди заговорят обо всем этом на собраниях, напишут в местную газету, вынесут вопрос на заседание городского совета. И поэтому он не жалел о потраченном времени.

Фролов думал о том, что многие сейчас задают себе вопрос, а как бы поступили они, увидев у ворот автобазы пьяного водителя. И сейчас почти все совершенно искренне уверяют себя, что не прошли бы равнодушно мимо и постарались бы не допустить выезда человека

в таком состоянии на линию. Судья, однако, не обольщал себя ложной верой в то, что и на самом деле каждый бы поступил так, как кажется ему в эти минуты, в зале суда. Легче всего правильно решать, уже убедившись на чужом пагубном примере, как нужно вести себя. Но Фролов знал и другое: еще много месяцев будут жить эти минуты в памяти каждого из присутствующих. И, может быть, их предостерегающее значение принесет пользу не одному человеку.

— Свидетель Сухарев! — вызвал судья.

Начальника колонны автобазы Сухарева за глаза, а то и в глаза называли «генералом». Был он очень высок ростом, плотен и величествен. Но, несмотря на полноту, сохранил приобретенную еще в военные годы осанку, подходившую к нему так же, как неизменный, полуармейский костюм: китель, галифе, всегда до ярчайшего блеска начищенные высокие сапоги. Сухарев считался строгим и решительным, но справедливым начальником. Его уважали за справедливость, отличное знание дела и заботу о «своих». Начальник был из тех людей, которых трудно представить себе растерянными, не знающими, как им поступить. На все случаи жизни у него имелись готовые рецепты. Но сейчас Сухарев выглядел необычно. Он волновался, старался не глядеть ни на лица судей, ни в зал.

Волнение начальника было понятным. Появление Суровцева на автобазе «не в своем обычном виде» не прошло незамеченным. Когда перед выездом водитель получал путевой лист, нарядчице Брагиной бросился в глаза этот самый «не совсем обычный вид».

Девушка тут же доложила Сухареву. Начальник понаблюдал за Суровцевым издали, подошел к нему, перебросился парой слов и уверенно сказал нарядчице:

— Сойдет. Это же не мальчик. Что ты Николая Федоровича не знаешь? Лучший водитель! Не из тех, с которыми случается что-нибудь...

После происшествия Сухарев подошел к Брагиной и строго сказал:

— Вот что, Лариса. Ты мне ничего не говорила. Я тебя не слышал. Ясно?

— Как же так, — растерянно произнесла девушка. — А если кто-нибудь спросит?

— Никто не спросит. Пользы от нас Суровцеву никакой — все равно засудят. И не будет ему легче от того, что и мы с тобой в тюрьму пойдем. Понятно?

— Почему же вы его не остановили, Дмитрий Михайлович?

— Почему, почему, — передразнил Сухарев. — Снять шофера с линии — разговор начнется. На весь коллектив пятно ляжет. Опять же, коэффициент выхода на линию ниже, тонна-километров меньше. Сопляки-мальчишки «под газом» ездили и ничего. А тут такой водитель и влип...

Разговор на этом закончился, но через несколько дней Сухарев, как-то под вечер проходя мимо диспетчерской будочки, заглянул в окошко и сказал девушке:

— Ты вот что... Разговора насчет «не замечали, не знаем» не было. Иду к следователю. Все рассказывать... Ясно?

— Ясно, — кивнула девушка, — так будет лучше, Дмитрий Михайлович.

— Конечно, — просто ответил Сухарев, — я же не мальчишка. Понимаю, что к чему. Один раз оступись, так живо тебя на обочину затащит и в кювет столкнет...

После допроса Сухарева судья объявил перерыв...

* *
*

Галя без труда разыскала дом, где жили Суровцевы.

Дверь квартиры оказалась закрытой. Никаких следов того, что здесь побывал мальчик, не было. Галя позвонила к соседям. Приветливая пожилая женщина заохала, запричитала и посоветовала Гале сходить к Илюшке — лучшему школьному другу Феди.

Но и там никто не видел мальчика.

Галя в отчаянии зашагала обратно к больнице. На перекрестке она увидела возле остановившейся милицейской машины капитана Полищука. Выругав себя за то, что раньше не догадалась вспомнить о милиции, девушка бросилась к капитану. Против ожидания, Полищук, не удивился.

— Видимо, на его месте я бы тоже сбежал, — сказал он Гале.

— Но дома его нет... К товарищу он тоже не заходил... — девушка была очень взволнована...

— А зачем ему домой идти? Чтобы мать за руку взяла и обратно к вам привела? Он не туда пойдет.

— А куда же?

— Туда, где знают, что будет с отцом. На автобазу.

Через несколько минут машина Полищука въехала во двор автобазы. Первое, что увидела Галя во дворе, была группа рабочих, столпившихся вокруг Федюшки.

Мальчик заметил доктора и Полищука, поднялся с ящика и с укором сказал:

— Зачем с милицией искали, Галина Васильевна? Что я маленький, что ли?

— Хуже маленького, — строго сказал капитан. — Первокласник и то понял бы: нужно лежать и не двигаться.

— Зачем вы так говорите? — с обидой в голосе произнес Федя. — Будто я на самом деле первокласник... Я ж все вижу. Держат меня в больнице, чтобы я про суд не знал.

Капитан строго поглядел на слесарей.

— Мы ничего не рассказывали, — начал оправдываться один из них. — Да разве от этого парнишки скроешь...

— А я не маленький, — продолжал Федя, — мне объяснили, что на суд нельзя. Как несовершеннолетнему. А если вы разрешите, тоже нельзя?

Федя глядел на капитана с мольбой и надеждой.

— Я тут ни при чем, — пожал плечами капитан. — Это закон. И нарушать его нельзя.

— А, может быть, вы меня возьмете, я около суда посижу, чтобы поскорее узнать. Как суд кончится, кто-нибудь выйдет, и я сразу спрошу.

Полищук хотел объяснить мальчику, что так делать не годится, что нужно сейчас же ехать на машине в больницу, но Галя тихо, чтобы не слышал Федя, прошептала:

— Возьмите нас. Из больницы он все равно удерет.

* *
*

Перед судом стоял свидетель Николай Мокроусов, тот самый губастый парень, которого сначала упустил, а потом разыскал сержант Вехотко. Лицо Мокроусова казалось предельно равнодушным. После каждого вопроса он с наигранным недоумением оборачивался к залу, словно собираясь сказать: «Чего они от меня хотят?»

И на все вопросы Николай упрямо твердил:

— Пьян был. Не на смене ведь... Не хулиганил. Не ругался. А чего говорил, не помню.

Сержант Вехотко, уже допрошенный как свидетель, краснел при каждом ответе Мокроусова и стискивал кулаки. Он-то помнил, что этот парень был абсолютно трезв.

Прокурор сообщил Мокроусову о показаниях Вехотко.

— Если милиция так здорово разбирается, кто под градусом, а кто трезвый, зачем тогда экспертизу делают? — усмехнулся Мокроусов.

Он оглянулся, ожидая одобрительных смешков среди слушателей, но зал молчал. И Николаю стало немного не по себе.

— Куда вы направились после разговора с сержантом на площади Победы? — спросил прокурор.

На следствии Николай не задумываясь ответил Полищуку, что никак не может припомнить этого, «куда,

мол, глаза глядели». Сейчас он чувствовал за спиной угрожающее молчание зала.

— Кажется, Юрка здесь, — подумал Мокроусов, — и Войтецкий, и, наверняка, Карпенко... К ним же подсел в пивной. Не лучше ли сказать правду? А вдруг они промолчат? Что ж, тогда выходит, своими руками на собственной шее петлю затяну?

— Прямо... вперед... — пробормотал он.

— Если бы вы пошли прямо, то уперлись бы в забор.

— Стало быть, свернул в сторону. Кажется, потом в канаве лежал...

Теперь уже в зале смеялись. Мокроусов обернулся. Из зала смотрели на него с жалостью и, как показалось Мокроусову, с какой-то гадливостью.

— Вы содействовали тому, чтобы шофер, нарушитель правил, скрылся безнаказанно? — спросил прокурор.

— Никак нет.

— Сержант Вехотко показал, что вы послали его по ложному следу и сообщили, что машина имела московский номер.

— Не посылал. Про московский номер не говорил.

— Вы это твердо помните?

— Твердо.

— Как же вы можете твердо помнить, если только что утверждали, что были пьяны и ничего не помните?

— Не так поняли, — отчаянно выкрикнул Мокроусов. — Твердо помню, что был пьян и ничего не помню.

В зале снова раздался смех. Теперь Николай мог не оборачиваться. Не глядя на товарищей по работе, он и так чувствовал, что смеются над ним, над его беспомощностью, над его жалкими попытками выкрутиться.

До допроса свидетели не могут находиться в зале суда. Таким образом, допрашиваемый не может знать, что происходило до его появления в судебном заседании. И Николай Мокроусов не знал, что во время допроса Вехотко, когда судья еще и еще раз просил сержанта припомнить, действительно ли Мокроусов произ-

водил впечатление трезвого человека, один из присутствующих в зале водителей, Карпенко, не выдержал и крикнул с места:

— Для чего комедия?... Все Кольку в тот день видели. Трезв был, как новорожденный.

Прокурор тут же попросил вызвать Карпенко в качестве свидетеля, и он был допрошен судом, миновав комнату, где ожидал допроса Мокроусов. Знай Николай об этом — он, может быть, не упорствовал бы так.

— Скажите, Мокроусов, — попросил судья, — с какого момента в этот день вы начали отдавать себе отчет в своих поступках, действовать сознательно, рассуждать здраво?

— Часов с шести, как проснулся на траве, в кювете.

— Чем же вы объясните, что в два часа дня в беседе с Карпенко вы толково и трезво говорили и даже подсчитывали, сколько он вам должен за ремонт лодочного мотора?

— Может, и было, — уныло признал Николай Мокроусов, — но не помню...

— Скажите, свидетель, может быть, вы просто хотели выручить Суровцева. Из чувства товарищества, так сказать? — этот вопрос задал общественный обвинитель — шофер Антонов.

Николай понимал, что никто не верит его басне о том, что он ничего не помнит, но все-таки упорствовал:

— Может быть. Хмель хмелем. Ничего не помню... Но и в пьяном виде шофер за шофера горой...

— И Суровцева, конечно, спасла бы ваша помощь? Он вам всю жизнь благодарен был бы?

— Не знаю. Никогда об этом не думал.

— Вы знаете о судьбе шофера Долгого с вашей же автобазы? Он работал там четыре года назад.

— Я третий год работаю.

— Долгий сбил человека и сумел скрыться... Через два дня пострадавший вышел из больницы. Выяснилось, что Долгий ни в чем не виноват: пешеход сам грубо нарушил правила уличного движения и состава

преступления не было... Но Долгого тоже не было... Машину нашли возле станции Мелехово, а водитель исчез. Он метался с места на место, боясь предъявить документы, живя случайными заработками. Никто его не искал, но повсюду Долгому чудились преследователи... Наконец, этот человек похитил чужой паспорт и... что было дальше, нетрудно догадаться. Вот как вы хотели удружить Суровцеву!

Мокроусов зло и упрямо выкрикнул:

— Говорю ведь, был пьян, ничего не помню!

* *
*

Уже в ту минуту, когда толчок остановившегося у отделения милиции мотоцикла пробудил Суровцева от краткого и неожиданного сна, Николай Федорович понял, что должно произойти дальше.

После первого допроса, лежа на жестком топчане камеры, припоминая до малейших подробностей все случившееся, Суровцев снова и снова приходил к беспощадному выводу: виноват только он сам и всю тяжесть наказания придется нести одному ему.

За долгие годы водительской, беспокойной жизни Суровцев три или четыре раза присутствовал на суде при разборе подобных дел. Однажды даже выступал свидетелем.

Шофер понимает шофера лучше, чем любой представитель другой профессии. И Суровцев помнил, что от всех трех процессов, детали которых сейчас ясно вставали у него в памяти, первым и главным ощущением было чувство щемящей жалости к водителю. Тому, кто не просиживал «за баранкой» по шестнадцать и по двадцать часов в сутки, не замерзал вместе с машиной, не лежал часами на снегу под разобранным мотором, не вытаскивал с помощью кольев и собственных плеч осевшую в канаву тяжелую машину, нелегко понять, что такое профессия шофера.

А Суровцеву приходилось переживать и все это, и многое другое. Он сочувствовал парню, который после

двух бессонных ночей, после многочасовой возни с застывшим мотором, добравшись до сельской чайной, хватил «с устатку» стакан водки. Захмелев, парень перевернул машину, при этом пострадали люди, сидевшие в кузове. Конечно, Суровцев не оправдывал парня полностью. Но если бы Николая Федоровича спросили, виноват ли водитель, он ответил бы: «Не вина, а беда».

Вспоминал Суровцев и о другом случае, когда шофер, с полгода водивший грузовик по просторным сельским дорогам, для которого приезд даже в Серпухов или Подольск был большим и трудным испытанием, впервые попал в Москву. Рябило в глазах от знаков и светофоров. Люди не пережидали степенно, не обходили машину стороной, а с сумасшедшим упрямством лезли прямо под колеса. К концу дня нервы деревенского парня не выдержали напряжения. Испугавшись троллейбуса, который мчал, казалось, прямо на него, парень рванул руль в сторону, повалил забор и... как на грех мимо забора проходила старушка. Женщину сильно помяло.

Тогда Суровцев и другие водители долго говорили в перерыве судебного заседания о судьбе парня. И каждый приходил к выводу: «Со всяким может случиться. Такие обстоятельства...»

Думал Николай Федорович и о других авариях. Никто не составлял на них акты, никого за них не судили. Там, где они происходили, разбитая машина и тела погибших были привычными деталями военного пейзажа.

Что вспоминать обо всем этом. Пройти всю войну, с честью вернуться домой, трудиться, не жалея сил, и испортить все это в один день, испортить из-за одной рюмки водки...

Парень, перевернувший грузовик, промерз, устал, еле двигался от перенапряжения. Стакан водки казался ему единственным средством взбодриться и хоть как-нибудь оживить стынущее тело. У сельского водителя, впервые попавшего в столицу, сдали нервы. А чем мог оправдать свою горькую оплошность Николай Федорович?

Сначала он пробовал себя утешить нехитрой мудростью. Что, мол, сделаешь, если не повезло. Он вспо-

минал товарищей по колонне, выезжавших в рейс навеселе, частенько за час, за два до окончания смены «пропускавших маленькую», полагая, что рабочий день все равно почти окончен. Они, конечно, были большими любителями «зеленого змия», чем Суровцев. Стало быть, ему просто не посчастливилось. Ведь он, можно сказать, непьющий. Жена в пример другим ставила. Все соседи завидовали ей: муж, мол, трезвенник. Но потом свои же собственные рассуждения стали казаться Суровцеву необидительными. Приходилось признаться, что, как это часто бывает, хвалили Николая по старой памяти, по инерции, привыкнув к тому, что считается он среди жильцов дома «употребляющим, но в меру». А на самом деле в последние год-два Суровцев не так уж редко «прикладывался к горлышку».

— Отчего? — спрашивал сам себя водитель и со стыдом признавался, что никаких причин к этому не было. Многие уверяют, что пьют, дескать «с горя», из-за служебных или семейных неприятностей, из-за неустроенности жизни. А о какой неустроенности могла идти речь у Суровцева? Работником он считался отличным, начальство его всегда уважало, никаких, даже самых малейших, трений между руководителями автобазы и шофером не было. Дома тоже все благополучно: прекрасная квартира, уютная обстановка, с женой полное согласие. Сынишка рос такой, что глядеть бы на него и радоваться...

Чем больше думал Суровцев, тем яснее становилось ему, что несчастье случилось вовсе не в тот день, когда из деревни прикатил Гусаков с самогоном, а гораздо раньше, за полтора или два года, когда в колонну пришел новый водитель Савушкин. Этот бывалый и опытный шофер сразу расположил к себе Николая Федоровича. Недели не прошло, как они сдружились. Много оказалось общим у двух водителей: и возраст, и биография, и одинаковые фронтовые воспоминания. Неделя прошла со дня знакомства, а будто много лет проработали они рядом. Как-то Савушкин и Суровцев ездили вместе в отдаленный колхоз. На обратном пути, едва въехали в город, новый приятель остановил машину у пивной. Сошел со своего грузовика и Суровцев.

— Что же мы, Коля, — начал Савушкин, — недельный юбилей нашего знакомства отпраздновали, а смо-

чить его не смочили. Сухая у нас с тобой дружба, получится...

— Машины на место поставим — смочим, — пообещал Николай Федорович.

Савушкин улыбнулся.

— Может, боишься? Может, за себя не ручаешься? Может, не ты баранку вертишь, а она тебя крутит, как хочет?

Николай угрюмо возразил:

— Поехали. Потом поговорим.

— Напрасно меня обижаешь, — тихо и грустно сказал Савушкин. — Не думал, что зазнаваться станешь. Ехать-то тут осталось две с половиной улицы. Или предлог ищешь, чтобы отказать?

Николай видел, что приятель и в самом деле обижен. «Действительно, — подумал Суровцев, — сколько разговоров из-за каких-то несчастных ста граммов». Они выпили.

Уже поставив машину, у ворот автобазы Николай встретил Сухарева. Тот подозрительно поглядел на него и на Савушкина и покачал головой:

— Старые водители, какой пример молодежи показываете!?

— Да что вы, товарищ начальник, — засуетился Савушкин, — мы ж перед самыми воротами, возвращаясь. С устатку.

— Чтоб это было в последний раз, — строго сказал Сухарев и ушел.

Через несколько дней Николай и Афанасий — так звали Савушкина — снова выпили на работе. Мрачные мысли одолевали тогда Николая. Он поставил машину и собирался выскользнуть из гаража незамеченным. Неудобно было попадаться на глаза кому-нибудь из товарищей. Но появилась нарядчица Лариса и передала, что начальник просит Суровцева зайти в конторку.

— Неужели кто-то заметил и доложил? — подумал Николай Федорович.

Но опасения оказались напрасными. У Сухарева сидело человек пять водителей и разговор шел об экономике резины. Вставил свое слово и Николай Федорович. Говоря, он старался дышать куда-то в сторону, не

глядеть в глаза товарищам. И, кажется, никто ничего не заметил.

Но когда после совещания Суровцев зашел в аккумуляторную, то услышал голоса двух приятелей: Сеньки Чугунова и Васи Маслюка.

Румяный, розовощекий Маслюк говорил Чугунову:

— Давай вместе с ним потолкуем... Кончать надо с такими вещами. Человек за рулем! Мало ли что может случиться.

«Обо мне разговор», — догадался Суровцев и остановился в проходе, отделявшем аккумуляторную от ремонтной мастерской.

— Брось ты, — посоветовал Сенька, — кто мы такие, чтобы его учить? Профком или партком что ли? Скажет он тебе: не суйтесь в мои личные дела, ты и утрешься...

— Это не его личное дело, — возразил Маслюк. — Если такой человек, как Суровцев, пьет за рулем, что тогда другие делать должны?

— Ничего. Пусть сначала столько наездят, как дядя Коля, так машину водить научатся. Тогда тоже будут иметь право пить.

На этом разговор и закончился. Суровцев подумал тогда, что вообще-то ничего страшного в его поступках не было, раз народ относится к этому без осуждения.

И все-таки на следующее предложение Савушкина Никслай ответил категорическим отказом. Но прошла неделя, другая. Кто-то, Суровцев не помнит уже, кто именно, принес в гараж две бутылки водки и бутылку шампанского — отмечать день рождения. Пригласили на «маленькую» и Николая Федоровича. Он хотел отказаться и прочесть ребятам нотацию. Но не тут-то было. Выяснилось, что прошлые выпивки не прошли незамеченными. А один из шоферов прямо упрекнул.

— Брось, дядя Коля! Можно подумать, что ты у нас тут председатель общества трезвости. Сам ведь тоже враг водки, уничтожаешь при каждой встрече с ней.

Суровцев хотел было возразить, что это было случайностью, недоразумением. Но кто-то всунул ему

в руку стакан, в другой, будто сам собой, оказался соленый огурчик. А вкрадчивый голос произнес над ухом:

— На полном газу... Не задерживая. Стакан один на всех.

Выплеснуть бы этот стакан на пол, выругаться крепко, по-солдатски, по-шоферски... Но что скажут ребята? Знают, что без них выпивал. А с ними, стало быть, не хочет? — И Николай выпил.

На следующий день к нему и к Савушкину подошел председатель месткома слесарь Омельченко.

— Вы что же это, ребята,— сурово сказал слесарь,— вместо примера потакает.

— Да ведь день рождения,— вздохнул Савушкин,— как не отметить?

— Да у него шестой день рождения в этом году,— возмутился Омельченко.

— Ну, уж и шестой,— усмехнулся Савушкин,— самое большое четвертый.

На этом и кончилось. Омельченко погрозил пальцем и сказал:

— Надеюсь, сделаете для себя выводы.

Так он и ушел.

Савушкина вскоре уволили. «Подобрали статью», — как объяснил он сам. Николай Федорович пробовал было заступиться за приятеля. Все тот же Омельченко разъяснил:

— Брось, Николай. Он нам весь народ портит. Уберем его, сразу выпивки прекратятся.

Но председатель месткома оказался слишком большим оптимистом. По-прежнему то один, то другой водитель сидел за рулем в нетрезвом виде. Правда, из ряда вон выходящих случаев не было. Два-три замечания от автоинспекторов за целый год. Ни аварий, ни особых происшествий. И на собраниях уже начали говорить, что с уходом из коллектива Савушкина «пьянство изжито».

Но на самом деле это было не совсем так. О себе Суровцев не мог сказать, чтобы его тянуло к водке. Но

теперь, после того, как он несколько раз выпивал вместе с другими водителями, отказываться было уже неудобно. Подумают, что он лучше всех казаться хочет, что недотрогу из себя строит.

Как-то пробовал Николай Федорович заикнуться об этом товарищам. Его подняли на смех.

— Кто не пьет, тот и есть враг коллектива, — доказывал один из водителей. — Не за то бьют, что пьют, а за то, что пьяными бывают. А кого из нас пьяным видели? Никого.

Действительно, Суровцева никто не видел ни валяющимся на улице, ни покачивающимся. Никто не мог похвастаться, что слышал, как у Николая Федоровича заплетался язык.

«Вот в этом-то, пожалуй, вся беда, — думалось сейчас Суровцеву. — Поверил я, что ничего страшного не происходит».

Теперь он больше не обвинял Савушкина. «Я-то не маленький, — зло ругал самого себя Николай Федорович. — И Савушкина уже не было, а я все продолжал. Думал старый дурак, что всю жизнь благополучно с рук сходить будет. Вот и додумался».

Все эти мысли снова пришли в голову Суровцева сейчас, в зале суда, когда он слушал показания Омельченко. Вид у слесаря был такой виноватый, будто это он, Омельченко, а вовсе не Суровцев наехал на мальчика.

— Было, — кивал головой Омельченко, когда его спрашивали о том, не доводилось ли прежде видеть Суровцева «навеселе». — Думали все обойдется... Вот лекцию устроили о вреде алкоголя... Уволили Савушкина. И успокоились... Так, что можно сказать, соучастники...

Да, за все время, пожалуй, был только один случай, когда Суровцева прямо и строго попробовали призвать к порядку. Секретарь комсомольской организации, диспетчер Любка Толоконникова, белобрысая, смешливая девчонка, как-то в проходной загородила дорогу Николаю Федоровичу и решительно сказала:

— Что же это вы делаете, Николай Федорович? Какой пример молодым водителям подаете?

Суровцев сразу понял, о чем идет речь, и попытался обратить разговор в шутку.

— Без дождя, Любонька, и трава не растет.

— Я с вами серьезно говорю, Николай Федорович,— ответила Любка. — Шутки тут ни к чему. Этот смех может плохо кончиться.

Черт его знает, как это получается. Получи «прокол» в правах, «посади» аккумуляторы, нагруби, прогулай, подерись, обмани — никто за тебя не заступится. А пусть попробуют упрекнуть человека за то, что он выпил. Защитники вырастают, как из-под земли. Суровцев даже не заметил, откуда взялись в проходной трое водителей.

— Веселие Руси — питье есть! Не знаешь? — загремел один из них. — А еще в вечернем техникуме учишься!

— Ты сначала напой, а потом выпитым упрекай. Ты ему подносила? Нет. Чего же говоришь, что он пьян?

Любку не так-то легко было смутить. Она ввязалась в отчаянный спор с шоферами.

— Работа какая у нас? — доказывал жилистый черномазый водитель. — На холоде, под дождем, в лужах под машиной лежишь, плечами из кюветов выталкиваешь ее. Как тут не выпить? Опять же целый день на сухоматке. Чем обедаем? Хлебом с колбасой обедаем. Так и желудок засохнет, если его не прогреть.

Николай Федорович не слышал, как возражала Любка. Он попросту сбежал, воспользовавшись тем, что перестал быть центром внимания.

Потом был разговор с Мокроусовым. Николай Федорович, каждый раз вспоминая о нем, чуть ли зубами не скрипел от злости на самого себя. Мокроусов рассказывал, что случайно стал свидетелем разговора Любки, Омельченко и начальника. Любка настаивала, чтобы на общем собрании обсудили вопросы, связанные с появлением кое-кого из шоферов на работе в пьяном виде.

— Но «шеф» наш в порядке, — хвалил директора Мокроусов. — Знаете, уважаемая, говорит, неудобно по-

лучится. Сами раздуем кадило, дескать, пьянчуги у нас за рулем сидят. А потом по всему городу разговоры пойдут: безобразия, мол, творятся на автобазе. Лучше мы с каждым индивидуальную работу проведем.

Да, Николай Федорович никогда не простит себе, что радовался такому обороту дела. Как хорошо получилось бы... Ну, выругали бы на собрании, выговор дали бы, пусть даже с машины сняли бы. Зато теперь все было бы по-другому. И вот нужно расплачиваться.

Впрочем, наказание не так пугало Суровцева, как судьба Федюшки. Правда, вести из больницы были самые благоприятные, но Николай Федорович чувствовал, что все что-то недоговаривают. Письма Феде были хорошие, бодрые, даже веселые. Но если все так ладно, как пишет мальчик и говорит Екатерина Павловна, то почему же Федюшку так долго держат в больнице?

Федя пишет, что все будет в порядке и левую руку скоро вынут из гипса. А что может быть с рукой дальше? Будет ли она двигаться, не останется ли мальчик инвалидом на всю жизнь?

Все эти мысли так владели умом Суровцева, что на целые часы отвлекали его от дум о предстоящем процессе. Да и сейчас он поймал себя на том, что, задумавшись о Федюшке, пропустил какой-то вопрос, заданный Мокроусову.

Впрочем, он не очень жалел об этом. Разбитного паренька с бегающими глазками Суровцев никогда не любил.

Узнав о его поведении в день несчастья Николай Федорович не удивился. Что еще можно было ждать от этого человека, интересующегося лишь возможностью сделать «левую езду» да любящего выпить?

И, может быть, самым обидным и оскорбительным было то, что в роли «жертвы», пострадавшей при попытке «спасти» Николая Федоровича, выступал именно этот слюнвявый парень, с вечной усмешечкой на губах, человек, которому Суровцев подавал руку, каждый раз делая над собой усилие.

Закончилась речь государственного обвинителя. Молодой помощник прокурора говорил недолго.

Судья объявил, что слово предоставляется общественному обвинителю — шоферу Антонову. Суровцев вздрогнул и опустил голову.

Он хорошо знал человека, который должен был сейчас его обвинять. Антонов был тем самым тщедушным, остроносым парнишкой, что подошел к Суровцеву в непогожую осень тысяча девятьсот сорок шестого года и ломающимся юношеским голосом пожаловался:

— К вам послали. Говорят, права твои липовые. Поездить нужно с вами пару недель, тогда, может быть, машину дадут...

Выяснилось, что с парнем произошла обычная для трудного времени восстановления промышленности и транспорта история.

В последние месяцы войны пятнадцатилетний Гриша Антонов сам, без всяких курсов, приглядевшись к шоферам, начал ездить на полуразбитой колхозной полуторке.

Гришин отец вернулся из армии и переехал с семьей в город. Парень пришел наниматься на автобазу, главный инженер побеседовал с ним и, конечно, обнаружил, что машину он совершенно не знает. Так и попал Антонов к Суровцеву в ученики. Примерно через неделю Николай Федорович доложил, что малец понимает все буквально с полуслова и его можно было бы пересадить с правой стороны кабины на левую, к баранке. Но парень сам попросил, чтобы ему разрешили поездить с опытным водителем еще месяц. Потом Антонов получил свою машину. Но Суровцев по-прежнему оставался учителем. Он приурочивал свои поездки к антоновским, зорко следил за машиной паренька при профилактике и техосмотрах, подолгу беседовал с ним.

Шли годы, фамилия Антонова стала появляться на Доске почета рядом с фамилией Суровцева. Гриша вырос, раздался в плечах. Он женился, имел уже двоих детей. Но по-прежнему Николай Федорович оставался

для него самым первым и авторитетным советчиком во всех делах. И не только в тех, что касались их совместной работы. С будущей женой Григория, библиотекаршей Тоней, сначала был познакомлен Суровцев, а уже потом старик Антонов, правда, первенец Антоновых был назван в честь деда, зато второго сына назвали Колькой.

Антонов переложил на столе заметки для своей речи, взглянул не на судей, к которым он должен был обращаться, а на подсудимого и в первый раз за последние десять лет назвал Суровцева на «вы».

— Тяжело мне обвинять вас, Николай Федорович, очень много хорошего и большого вы для меня сделали... А нужно. Будь вы на моем месте — сделали бы то же самое.

Суровцев невольно кивнул.

— Хочу, чтобы поняли вы правильно, — медленно, словно подыскивая слова, проговорил Григорий. — Самое обидное для нас, для коллектива, для ваших друзей, да и для вас самих то, что испортили вы хорошую, большую, честно прожитую жизнь... Я вас не отпеваю: уверен, что сотрете это пятно с биографии. Но пока что сидите вы в придорожном кювете и придется много повозиться, чтоб из него выбраться.

— Помнится, — продолжал Антонов, — одиннадцать лет назад: нас тогда на лесозаготовки откомандировывали. В сельской чайной молодой шофер, я то есть, держал в руках стакан водки и собирался выпить... Вошли вы тогда в чайную, как хлестнули меня по руке варежкой, так стакан на пол... Потом отдали деньги буфетчику и сказали: «Увижу, что водителей поишь, я тобою вместо пробки бензиновый бак заткну. Ты знаешь, что такое человек за рулем!»

И не за то вас сегодня судят, что вы Гусакова послушались. Не за то, что до крана с водой не дошли, а пиво в палатке пили. Судят за другое: забыли, что значит человек за рулем! Не знали бы — спросу с вас меньше. А вы это лучше многих знаете. В день перевозите вы около пятнадцати тонн. Не так уж много. А за четверть века, выходит, сто пятьдесят тысяч тонн кирпича, цемента, леса, кровельных материалов вы людям доставили... Я еще подсчитал, что наездили вы по раз-

ным дорогам, мирным и фронтовым, свыше двух миллионов километров. Пятьдесят раз земной шар обогнули. И без единой аварии, без единой поломки. Вот что такое человек за рулем!

Всю жизнь вы это знали, всю жизнь свято помнили... И только в последнее время почему-то забыли. Стопка водки сильнее вас оказалась!

Верю я родственнику вашему Гусакову, что он волосы на себе рвет. Натворили, мол, бед. Но что было делать, русский, мол, обычай. Так ведь обычаи бывают разные. Был, скажем, обычай перед пасхой семь недель поститься... А что-то я по комплекции Гусакова не вижу, чтобы он это соблюдал. Жизнь сама оставляет из старых обычаев ценное и нужное людям, а прочее отмечает. Напомню о другом хорошем водительском обычае: сидеть за баранкой со свежей головой. Как шофер я понимаю вас. Замутило, в голове потемнело, утеряти контроль над чувствами, утеряти быстроту реакции. Это, так сказать, авария в организме... Но не за то вас судят, что случилась такая авария. А за то, что создали вы для нее условия. Представьте себе такую картину. Кто-нибудь захотел вам в бензобак стакан самогону влить. Да вы бы разговаривать не стали... Огрели бы такого деятеля гаечным ключом по затылку! А сами вливаете стакан этой дряни в машину посложнее, похитрее — в организм человека...

Антонов поискал среди бумаг на столе.

— Вот, — он поднял и показал всем в зале газетную вырезку. — Вот тоже суд над водителем. Газета «Советская Россия» за июль месяц этого года. Ехал шофер, неожиданно на середину улицы выбежал мальчонка. Два метра до него... Шофер бросил свою пятитонку в сторону, на каменную стену, разбил машину вдребезги, сам чуть живой остался. Автор статьи спрашивает, за что того шофера судили? Правда, оправдали его, конечно. Предлагается наградить этого шофера, и я думаю, правильно предлагается. Парень еще молодой, ему, чтобы до вас дорасти, ум, опыт, технику вождения годами набирать нужно. И он рисковал жизнью за чужого мальчонку... А вы своего собственного уберечь не могли...

Суровцев вздрогнул и угрюмо сдвинул брови, Антонов понял, что, увлекшись, сказал лишнее... Он помол-

чал, снова перекладывая бумажки, выпил воды и, собравшись с мыслями, заговорил о другом:

— Если я сейчас буду называть прочих виновников, это не уменьшает вину Суровцева. Это только значит, что и они содействовали тому, что произошло несчастье.

И не один человек тут причастен, а многие. Видели все тут Гусакова. Сам человек каялся и, насколько я понимаю, искренне. Угораздило его, мол, в этот именно день со своим дурацким самогоном притащиться. Плохо получилось, верно. Только я думаю, что и в любой другой день от самогона ничего хорошего ожидать не приходится.

Екатерина Павловна! Я понимаю, как вам тяжело, но будем говорить прямо, вы забыли в этот день, что значит жена водителя. Сколько раз вы снаряжали мужа в дальние рейсы? Как вы заботились о том, чтобы он в поездке голодный не остался, чтобы у него под рукой всегда термос с горячим чаем был. Прежде всего думали о том, чтобы муж хорошо отдохнул. Знали, что значит для водителя свежая голова. А на этот раз?..

Антонов не ответил на этот вопрос, да ответа и не требовалось. Общественный обвинитель переложил бумаги, помолчал и продолжал уже другим, деловым тоном.

— Райторг, или как его там официально называют, очень некрасиво выглядит. Все знают эту будку у ворот. Здорово ее разрисовали. Крышу выкрасить зеленой краской не позабыли. А о том, что вред от нее и какой вред не подумали. Некогда думать было, да и вредные это для плана, для премии за план мысли. Нет здесь товарища директора из торга, а хотел бы я спросить его: если у него на складах кагор или портвейн заварится, не пошлет ли он вино в школьные буфеты? В ту школу, где его дети учатся?.. Радовался, видно, директор каждому проценту сверх плана доходов. И не думал, что каждый этот процент означает, что шоферы столько-то литров выпили. Формально, конечно, райторг ни при чем. Взрослые, мол, люди сами знают, что для них можно, а что нельзя. А по совести, я думаю, все понимают, виноват он или нет...

Допрашивали тут Шахмалиеву, нашу милую «кормилицу-поилицу». Только зря вы ее так, товарищи, называете. Она просто «поилица». Вот у меня в руках справочка. Плохо последнее время идет ее торговля. Не хотят водители ее ларьком пользоваться, когда узнали о ее роли в этом деле. Может быть, ошибается народ? Нет. Просто этот случай и на многое другое глаза раскрыл. Все припомнили, что квас и фруктовую воду специально не завозят. На них, дескать, план не выполнишь. Что даже простой водопроводной воды она вам не даст: хочет, чтобы пиво пили. Что из-под прилавка четвертинку вытащит и стакан предложит, и даже огурчиком солененьким угостит. За деньги, конечно.

Но это, так сказать, о чужих людях. Теперь о своих. Начинать, я думаю, нужно с самого верху, с товарища директора. О ларьке он знал, и специально ему напоминали. Позвонил он куда-то, пообещали разобраться, да на том и кончилось. По сей день разбираются. Всем хорош наш директор. Человек знающий и справедливый, и план опять же у него в порядке. Но я думаю, что авторитета его не подорву, если прямо скажу: по части борьбы с пьянством провалился товарищ директор. Савушкина выгнал и решил, что все само собой устроится. Были у него сигналы? Были. Да видно решил он, что не такой уж это большой грех, если кто и выпьет.

Омельченко? Я сам его кандидатуру выдвигал в местком. И, наверное, снова выдвину, потому что человек действительно за свое дело болеет. Но для него, как и для многих других, водка — не причина для беспокойства, пьяница — не преступник. Пьет человек, а к нему относятся вроде как к мальчонке-озорнику. Этакий, мол, шалопай, которому можно пальцем погрозить, а чтоб за шиворот его взять и ответа потребовать? Ни-ни... Внимание, дескать, нужно проявлять, к живому, пьяному человеку.

И виновен каждый из нас, и я в том числе, виновен весь коллектив.

Что это за царица такая — водка! Всё по ее милости прощают: «Выпивши, дескать, был, а с пьяного да с малого что спроси!» — «Вынужден был выпить», — частенько и такое у нас услышать приходится... Один

«от болезни» пил, у второго — тетка именинница, к третьему брат приехал, четвертый «костюм обмывает», а то, дескать, носиться не будет. Я считаю, товарищи, что в каждом настоящем коллективе должна быть выработана ненависть к пьянству. А у нас этой ненависти не было — вот в чем мы с вами виноваты. Достаточно было одному человеку вмешаться — и ничего бы не было. Да все отмахнулись.

Вспомнив, Антонов поправился.

— Впрочем, не все... Был такой человек — Лариса Брагина. Заметила девушка и обеспокоилась. Но стоило Сухареву сказать: сойдет, мол, — поверила. Не то, что побоялась поспорить с начальником. Я Ларису знаю: она не из тех, кто боится. И полбеды было бы, если бы просто не решилась спорить. Нет ведь, могла поверить, что пьяный человек за рулем не опасен. Беда коллективу, где в такое верят...

Суровцеву, да и многим другим может показаться, что он, мол, жертва необыкновенного стечения обстоятельств, что это, как теперь любят говорить, не типично для него. А я думаю по-другому. Не типично для того Николая Федоровича, каким он был три года назад, пока попивать не начал. Верно, не буянил, под заббором его не подбирали... Но я считаю, что сидеть в нетрезвом виде за рулем и курить в пороховом складе — это одно и то же. И если Суровцев этого не понимал, то и история с ним не случайна, а закономерна. И я обвиняю водителя Суровцева в том, что он на протяжении долгого времени самому себе насчет водки потворствовал, хотя уголовный кодекс такого преступления и не предусматривает...

После Антонова слово было предоставлено адвокату. Он говорил главным образом о безупречной биографии Суровцева, которая дает все основания надеяться, что этот человек сможет трудом искупить свою вину, и о чистосердечном раскаянии подсудимого.

Судья объявил, что подсудимому предоставляется последнее слово.

Суровцев поднялся с места и тихо сказал:

— О чем говорить? Антонов во всем прав.

Из зала требовали:

— Громче говори!

— Антонов прав, — гулко повторил Суровцев и замолчал.

Судья настаивал:

— Суд хочет знать, как вы сами относитесь к случившемуся.

— А как к нему можно относиться? — горько усмехнулся Николай Федорович. — По-волчьи выть хочется от злости на самого себя. Да ведь, когда машина под откос скатится, что толку бегать вокруг нее, руками махать и слезы лить — не поможет. От этого она снова на колеса не встанет.

Суровцев замолчал и, обернувшись к залу, взгляделся в лица сидевших.

— Можно два слова бывшим товарищам сказать? — спросил он у судьи.

Судья разрешил.

— Хочу сказать одно, — строго произнес Суровцев. — Для каждого водителя на будущее. Насчет водки, пьянства, соблюдения себя за рулем говорить не стоит... Много тут все говорили, особенно Антонов... Только до того не дошло, у кого мозги не на том месте. Как-то получилось, что мало сказали насчет другого. О том, что с места происшествия удрал. Понимаю, трудно теперь к моим словам прислушиваться. Я, как это говорится, человек штрафованный. Но на ошибках учатся. Пусть и на моей ошибке молодежь поучится... Гнал я от того места, как сумасшедший, ни о чем не думая. «Подальше, подальше, подальше отсюда, а там, мол, видно будет». Прошу водителей — остерегайтесь этого... Никогда не оставляйте человека в беде. Буду говорить честно: не знаю, какой бог меня сберег, что я, удирая, еще новых бед не натворил.

Суровцев умолк и опустил на скамью.

Судья и заседатели шепотом посоветовались о чем-то.

Петр Васильевич поднялся и объявил, что слово для заявления от имени коллектива автобазы предоставляют водителю Чернову.

Многие из сидевших в зале участвовали в собрании работников автобазы, на котором обсуждалось это за-

явление, хорошо знали его содержание, и все-таки каждый слушал, затаив дыхание, боясь упустить хоть слово.

«Коллектив автобазы, сурово осуждая поведение Суровцева, — читал Чернов, — считает, однако, что предыдущий честный труд его, высокие производственные успехи, примерное отношение к семье дают основания считать, что Суровцев может искупить свою вину и восстановить доверие к себе, продолжая работать на прежнем месте.

Работники автобазы просят не применять к подсудимому Суровцеву меры наказания, связанной с лишением свободы, а ограничиться условным осуждением, передав Суровцева Н. Ф. на поруки коллективу».

Суд удалился на совещание.

* *
*

Через полчаса Николай Федорович и Екатерина Павловна, выйдя из-за ограды летнего кинотеатра в плотном окружении друзей, увидели сидящих на скамейке Галю и Федюшку.

— Папа! — закричал мальчик и бросился отцу на грудь, обхватив его шею здоровой, правой рукой и, наверное, свалился бы, если бы отец не поддержал его и не прижал изо всех сил к груди...

— Я уже знаю, папа... Условно, условно... И теперь мне ни в какой санаторий ехать не нужно.. Мы с тобой вместе будем.

— Вместе, — прошептал Суровцев.

Он опустил Федю на землю, положил на плечо ему большую рабочую руку, и они пошли в толпе, тихо говоря о чем-то своем.

Зрители, свидетели, судьи, обвинители, адвокат задержались. Все понимали, что сейчас отца и сына нужно оставить вдвоем.

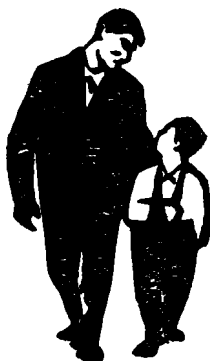
— Здорово как все кончилось, — сказал Федя. Ему очень хотелось найти какие-то большие, веские и убе-

дительные слова, которые разгладили бы морщины на лбу отца.

Но таких волшебных слов в природе не было, и Федя, прижимаясь плечом к боку отца, повторял снова:

— Вот здорово... Все очень здорово.

А что мог ответить Суровцев? Ничего. Он и не отвечал, а только вздрагивал каждый раз, когда Фебина перевязь касалась его пальцев.

Семенов Константин

«ЧЕЛОВЕК ЗА РУЛЕМ»

Редактор *Ю. Д. Сергеев*

Художественный редактор *И. Ф. Федорова*

Технический редактор *Н. В. Тимофеева*

Корректор *Ю. С. Захарова*

Сдано в набор 7/XII 1959 г.
Подписано в печать 11/I 1960 г. Формат
бумаги 84 × 108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 1,5;
условн. печ. л. 2,46; учетно-изд. л. 2,16.
Тираж 200 000. А-0070. Цена 50 коп. Зак. 1719.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40.

Типография им. Котлякова Госфиниздата СССР.
Ленинград, Садовая, 21.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

выпустило в свет

В СЕРИИ „ИЗ ЗАЛА СУДА“

следующие брошюры:

1. Я. Киселев „Началось с проступка...“
2. Ю. Кларов „Вторая судимость“
3. С. Званцев „Клевета“
4. И. Волк и И. Голосовский „Признаю себя виновным...“

Готовятся к выпуску:

1. А. Безуглов „Пришедшие из мрака“
2. Р. Александров „Дружина обходит участок“